

ЛАУРА КАСТЕЛЛАНОС

ВАРВАРСКАЯ МЕКСИКА

**ЛЕВАКИ И
ФЕМИНИСТКИ
ПРОТИВ
БАНДИТОВ**

Лаура Кастелланос
Варварская Мексика. Леваки и
феминистки против бандитов
Серия «Против течения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74427991

*Варварская Мексика. Леваки и феминистки против бандитов: Родина;
Москва; 2026*

ISBN 978-5-00269-690-1

Аннотация

Мексика – страна, славящаяся криминалом и ультранасилием. Целые её области могут быть захвачены картелями, которые больше напоминают частные армии, чем банды. Однако и там есть силы, которые готовы бросить вызов диктатуре бандитов.

Эта книга рассказывает о том, как левые, коммунистические и феминистские организации Мексики ведут неравный бой против криминала и коррумпированных властей, сросшихся с мафией. Эта борьба идёт в джунглях и городах, на митингах и в глубоком подполье, в кабинетах министерств и в парламенте. Её участников убивают. Её участники иногда сами убивают. И финальная битва ещё впереди.

Лаура Кастелланос знает, о чём говорит, потому что пишет из самого сердца этой борьбы.

Содержание

Пролог	5
Введение	22
Поддерживать жизнь: отступление, принесённое пандемией	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лаура Кастелланос Варварская Мексика Леваки и феминистки против бандитов

© Кастелланос Л., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Женщинам, которые борются.

Матерям жертв фемцида.

Выжившим после насилия.

Женщинам – главам семей. Активисткам.

Журналисткам.

*Женщинам, которые бросают вызов
патриархату.*

*Всем тем, кто сопротивляется и держит удар
каждый день.*

Пролог

Если тронут одну

В моём районе ходит пожилая женщина. Бесполезно пытаться угадать её возраст – мне она кажется вечной.

Она часто ночует в парке, где стоят бронзовые бюсты музыкантов и композиторов. Её невозможно не заметить: тело так сильно согнуто, что она передвигается с полностью выгнутой назад поясницей, а голова находится на уровне коленей. Она опирается на трость в правой руке, а в левой несёт пластиковый пакет с чем-то внутри.

Однажды она позволила мне помочь, но доверяет не всегда: время от времени она размахивает тростью на тех, кто приближается.

Всё в ней тревожит, задевает, смущает. Взросление в этом городе учит, что к людям, живущим на улицах, нужно относиться с уважением, и если они не просят о помощи, даже с самыми благими намерениями тебя могут не принять.

Сегодня утром, когда я возвращалась с пробежки, я увидела её прислонившейся к стене – она стояла неподвижно, переводила дыхание. Было холодно, улица почти пустовала. Я подумала, что сейчас, возможно, хороший момент, и ре-

шилась.

– Куда вам? – спросила я и предложила помощь.

Она согласилась, мы медленно пошли к парку композиторов, она разрешила мне нести пакет. Пока мы двигались в её темпе, я всё думала: как этой женщине удалось пережить два года пандемии?

Когда мы дошли до места, где она хотела устроиться, она резко махнула рукой, чтобы я не помогала. Я послушалась. Я заворожённо смотрела, как ловко управляется со своим телом тот, кто не может разогнуть поясницу и встать прямо. Она легла на траву, опершись о ствол дерева, я оставила пакет рядом.

Я долго не решалась взглянуть ей в лицо – раньше у меня никогда не было возможности увидеть его так близко. Лицо, покрытое тысячей шрамов, один глаз затянут серой пеленой, на щеках – неразличимая сетка рубцов.

– Вам что-нибудь ещё нужно? – спросила я.

– Нет, девочка.

Может быть, сегодня мы сможем поговорить немного дольше. Я снова рискнула.

– А что с вашим бедром? – спросила я уклончиво.

Я не знаю, повреждён ли тазобедренный сустав или поясничные позвонки – понятия не имею. Я молила богинь, чтобы она не рассердилась.

– Это мой муж.

Во мне что-то хрустнуло. Значит, у этой бесконечной,

крошечной, древней женщины была та же история, что и у многих других: муж-насильник оставил её прикованной к постели и сломал ей жизнь.

Я замолчала, попыталась придумать следующий вопрос, но она попросила меня уйти – ей нужно отдохнуть. Я не настаивала. Если чему-то и учат годы, так это уважать чужой ритм. Но не могу отрицать: у меня осталось огромное желание вернуться к ней, чтобы она поговорила со мной. Посмотрим, позволит ли время состояться этому разговору.

А потом я пришла домой и перечитала шесть глав, составляющих книгу «Мексиканки в борьбе». Репортажи о сопротивлении государству-мачисте и насилию. И я подумала, что история той согнутой женщины, бредущей по улицам, неразрывно связана с историями женщин, о которых рассказывается в этой книге. Что то предельное положение, в которое её поставил жестокий муж, – это ещё и ответственность глухого и слепого государства, которое не захотело взять на себя долг не только по созданию более справедливой системы, но и по обеспечению менее угрожающей и опасной участи. Участи, которая кажется неизбежной, когда ты рождаешься мексиканкой и в твоём свидетельстве о рождении в графе «пол» значится «женский» – как предисловие к жизни, полной насилия.

Даниэла Реа в главе «Поддерживать жизнь: отступление, принесённое пандемией» рассказывает историю Росы. В семнадцать лет она бросила второй семестр подготовитель-

ной школы, потому что началась эпидемия ковида, а дома не было интернета, чтобы делать задания, подключаться к онлайн-урокам и продолжать дистанционное обучение.

Росе пришлось отложить свою жизнь, чтобы зарабатывать деньги, поддерживать мать – домашнюю работницу – и в конечном счёте жертвовать собой ради трёхсот пятидесяти песо, которые она получает за уборку общих зон пятиэтажного здания: лестниц, стёкол, окон. Эти триста пятьдесят песо нужно разделить на транспортные расходы, а если голод одолеет до возвращения домой и придётся купить что-то, чтобы перебиться, то из полученного дохода вычитается ещё часть. В итоге она возвращается домой в Лос-Рейес, Ла-Пас, проведя пять часов в общественном транспорте, и отдаёт деньги своей матери Лурдес.

Радикальная феминистская демонстрация в Мехико

Таковы её повседневные стремления: не потратить слишком много из трёхсот пятидесяти песо, когда её зовут убирать здание, и таким образом внести вклад в семейный доход.

Потому что, как отмечает Даниэла Реа, женщины – это те, кто заботится. Согласно данным ЭКЛАК и ИНЕГИ, которые подробно приводятся в главе, девяносто миллионов человек старше двенадцати лет выполняют домашнюю и уходную работу в своих домах без оплаты; семьдесят один процент этой работы выполняется женщинами. С пандемией всё стало ещё хуже: оплачиваемая домашняя работа в Мексике упала более чем на тридцать процентов. И женщины, которые работают и получают доход, как Роса, были вынуждены отказаться от своих образовательных и профессиональных устремлений. Жертвовать собой ради других. Это становится непреодолимой судьбой. Лурдес, мать Росы, начала работать в девять лет, когда её мать уходила убирать чужие дома, а Лурдес оставалась присматривать за пятью младшими братьями и сёстрами. Затем это смешение судьбы и ремесла передаётся по наследству: все дочери становятся домашними работницами в чужих домах, лишая своих собственных детей своего присутствия.

«Это жестокий парадокс нашей жизни: не иметь права заботиться о плоде своей утробы», – заключает Даниэла.

Эмоциональное бремя этого очень тяжело. Добавочным элементом становится повторяющаяся переменная – отец, который бросает семью. Так что их главная задача – заботиться о детях или младших братьях и сёстрах, чтобы этот партнёр, присутствующий или отсутствующий, мог заниматься какой-либо работой.

Никто не виноват в том, что пандемия коронавируса при-
шлась именно на шестилетний срок правления АМЛО и «четвёртой трансформации», но невозможно снять ответственность с правительства, которое увековечило систему, где, цитирую Даниэлу Реа: «мексиканское государство выделяет ноль целых одну десятую процента ВВП на уход, в то время как неоплачиваемый уход составляет двадцать две целых восемь десятых процента ВВП. Очевидно, что здесь что-то не так. Очевидно, что в этом уравнении кто-то выигрывает. И это не женщины».

Также правда, что в истории Мексики никогда не было правительства, которое было бы особенно озабочено реализацией государственной политики с женской перспективой. Именно поэтому каждое достижение – это завоевание, которого добивались организованные женщины на протяжении более сорока лет.

Клаудия Рамос во второй главе «Женщина / слушай / это твоя борьба» рассказывает, как всё началось с Первой всемирной конференции по положению женщин в 1975 году, организованной ООН в Мехико. С тех пор, проходя

через определяющие вехи восьмидесятых и девяностых, такие женщины, как Аида Гонсалес Мартинес, Гваделупе Ривера Марин, Ифигения Мартинес, Антоньета Раскон и многие другие, активно продвигали феминистскую повестку независимо от того, с какой политической партией они симпатизировали. Настоятельной необходимостью стало обсуждение контроля над рождаемостью для женщин: распространённость использования каких-либо противозачаточных средств, составлявшая в 1972 году тридцать целых две десятых процента, к 2002 году выросла до семидесяти целых восьми десятых процента; это стало результатом постоянной борьбы женщин из всех политических спектров.

Ещё один важнейший скачок произошёл после Гаванской конференции в 1995 году, когда Мексика наконец признала «внутрисемейное насилие», что сегодня позволяет нам говорить о сексуальном насилии.

В 2001 году был создан Национальный институт женщин, а когда в 2006 году в Сьюдад-Хуаресе был достигнут критический уровень убийств женщин, была создана Специальная комиссия по феминициду для расследования этого преступления с использованием надлежащих протоколов. Однако только в 2012 году феминицид был внесён в Официальную газету Федерации как отдельный состав преступления.

И хотя 7 сентября 2021 года Верховный суд нации признал неконституционной криминализацию аборт, впереди ещё огромная юридическая работа по обеспечению прав женщин

в Мексике.

Этот исторический обзор жизненно важен, потому что он проясняет одну вещь: женщины объединяются не против какого-то конкретного правительства, у нас нет скрытой повестки по преследованию действующего президента, как Андрес Мануэль так часто намекал в своих речах. Эта битва длится более сорока лет, если ограничиться современным периодом. Речь идёт не о партийной привязанности или неприятии. Цель – найти способ остановить кризис, который достиг уровней насилия, невиданных ранее: одиннадцать феминисток в день, всё более садистские и жестокие способы посягательства на жизнь женщин.

В третьей главе «Самопровозглашённая „четвёртая трансформация“: будет она феминистской или нет?» Ивонн Мельгар даёт справедливый анализ администрации, которая пришла с обещанием стать «самым феминистским правительством в истории».

Очевидно, что обещание не выполнено.

Уже кадровые перестановки в кабинете посылали репрезентативный сигнал, например случай Ольги Санчес Кордеро, которая была министром внутренних дел и чья позиция была единственной откровенно феминистской в ближайшем окружении АМЛО.

Санчес Кордеро, как отмечает Ивонн Мельгар, не смогла воодушевить своих коллег по кабинету на дело женской перспективы, так что её пребывание на посту главы МВД не

привело к фундаментальным изменениям.

Другие женщины в команде, возглавляющие различные министерства, такие как Луиса Алькальде, Росио Нале или Алехандра Фраусто, редко осмеливались ставить под сомнение мачистские высказывания президента или поддержку, которую партия Морена оказала Феликсу Сальгадо Македонио, когда он выдвигался кандидатом в губернаторы штата Герреро, – Сальгадо Македонио президент выражал полную поддержку, несмотря на преступления изнасилования, за которые он предположительно несёт ответственность.

В случае Клаудии Шейнбаум, главы правительства Мехико, между ней и феминистским движением наметилась явная дистанция. Позиция Шейнбаум ужесточилась после маршей в марте, августе и ноябре 2019 года; к февралю 2020 года, когда женщины вышли на улицы в знак протеста против убийств Ингрид Эскамиллы и семилетней девочки Фатимы Альдригетт, ответ столичного правительства включал масштабное развертывание полицейских с баллончиками перцового газа.

К этому добавилось неизменно дисквалифицирующее феминистское движение высказывания со стороны Андреса Мануэля. Сначала он заявил, что девяносто процентов экстренных звонков на номер 911 по поводу сексуального насилия – ложные; затем – что феминизм возник пару лет назад с консервативными корнями, чтобы навредить ему и его правительству. Ни одна из членов президентского кабинета,

похоже, не готова поговорить с ним, поправить его, когда он делает эти ошибочные заявления о статистике или о годах борьбы женского движения. Трудно найти основания называть это правительство самым феминистским в истории.

Но помимо оценок, речей и празднований, самый убедительный способ узнать приоритеты правительства – это распределение бюджета.

Четвёртая глава этой книги доказывает с помощью цифр, насколько мало нынешняя администрация заботится о сексуальном равенстве. «Без сексуального бюджета: удар, который исходит от правительства» – статья Найели Рольдан, в которой она скрупулёзно разбирает управление ресурсами, которые «четвёртая трансформация» постепенно сокращает и отменяет для тем феминистской повестки, таких как детские сады, имеющие неоценимое значение для развития экономической самостоятельности женщин, которые являются матерями. Уравнение очень простое: матери-одиночке нужно работать, чтобы содержать детей, но она не может брать их с собой на работу; детские сады являются решающим фактором для поддержания этой системы выживания и получения дохода.

С приходом Андреса Мануэля началось неприятие всего, что было построено до его правительства, особенно если к этому приложил руку Фелипе Кальдерон, с которым – ни для кого не секрет – у Андреса Мануэля давнее соперничество. Так случилось с детскими садами, которые в 2019 году АМ-

ЛО обвинил в коррупции, и последовало массовое закрытие без надлежащих процедур оценки, чтобы определить, сколько из них могут продолжать работу. Клиентелистское решение выдавать матерям по тысяче шестьсот песо раз в два месяца — далеко не улучшение, как раз наоборот.

Как говорит Найели Рольдан, это решение всё изменило; в худшую сторону, добавлю я.

Вот данные: до 2018 года программа детских садов получала ежегодный бюджет в четыре миллиарда песо, но к 2022 году программа прямой выплаты получила только два миллиарда семьсот миллионов песо. Сколько тысяч матерей затронуло это изменение? Мы до сих пор не знаем.

Продолжим демонтаж бюджета: в 2018 году существовало сто двадцать девять программ, направленных исключительно на женщин, а к 2021 году их осталось тридцать девять.

В 2020 году палата депутатов одобрила пятьдесят девять миллиардов песо для тридцати девяти программ, но министерство финансов пересмотрело расходы в конце года и решило выделить меньше, что на практике означало сокращение на четыре миллиарда сто пятьдесят два миллиона песо.

Женщины, особенно матери, поддерживают экономику этой страны многими невидимыми способами. Не могло бы государство вернуть хоть немного, пересмотрев бюджетные ассигнования?

Но сколько стоит жизнь женщины? Если думать об этом

в терминах распределения государственных расходов шокирует, то отвечать на этот вопрос в свете одиннадцати феминцидов в день с более чем девяносто тремя процентами безнаказанности – сокрушительно. Почему убийцы женщин – в большинстве случаев партнёры жертвы – убивают? Потому что могут. Потому что ничто и никто им не мешает, ничто и никто их не наказывает. Безнаказанность.

Удручающе и отчаянно видеть, как кривая феминцидов растёт и растёт последние двадцать лет, несмотря на все государственные политики, принятие законов и организации, посвящённые попыткам их остановить. Почему нам не удаётся изменить тенденцию? Безнаказанность. Снова: мужчины убивают своих женщин, потому что могут.

«Феминциды: слепая справедливость» – пятая глава этой книги, написанная Валерией Дуран.

Фатима Кинтана жила в Толуке, она должна была вернуться домой из школы вечером того пятого февраля 2015 года. Она не вернулась. Её мать нашла отрубленную ступню дочери: тело Фатимы было разрезано девяносто раз, её изнасиловали, сверху набросили два камня весом более тридцати килограммов, которые в конечном итоге стали причиной смерти от черепно-мозговой травмы. Ей было двенадцать лет, она мечтала стать врачом и любила поэзию: она выиграла конкурс декламации со стихотворением Рубена Дарио «Маргарита, прекрасно море», но так и не смогла получить свою награду.

Справедливость?

Судья по этому делу заявила, что не может квалифицировать убийство Фатимы как феминцид, потому что не была уверена, были ли у Фатимы уже первые месячные. Генетические тесты тела для опознания троих подозреваемых в убийстве не удалось провести, потому что у властей не было тест-полосок. Именно Лорена, мать Фатимы, с помощью соседей искала ножи, которыми ранили её дочь и которые остались на месте преступления.

Трагическая история Фатимы – лишь одна из тысяч. В 2020 и 2021 годах было зарегистрировано около трёх тысяч убийств женщин каждый год. Проблема в том, что не все они квалифицируются как феминциды и остаются в очень удобной для судебной системы серой зоне.

Поэтому Валерия Дуран утверждает в конце главы, что в Мексике феминцид совершается не только конкретным человеком, но и покрывается халатностью судебной системы, которая является раем для этой девяностотрёхпроцентной безнаказанности. Убийцы женщин убивают, потому что могут.

Несмотря ни на что, мы хотим сохранять надежду: мы её заслужили, она нам нужна. Тысячи женщин до нас не жалели сил, чтобы добиться прав, которые у нас сегодня есть. Мы не можем сдаваться, и смена поколений девушек пришла как сильный ветер, чтобы всё перевернуть.

«Пусть дрожит государство» – так называется шестая глава, написанная Лаурой Кастелланос, с отсылкой к «Песне без

страха» Вивир Кинтаны. Мы поняли, что можем заставить эту страну дрожать, восьмого марта 2020 года, когда мы, как никогда раньше, заполнили улицы маршем в честь Международного женского дня: в тот день говорят об участии от восьмидесяти до двухсот пятидесяти тысяч женщин. Я была там. Никогда за двадцать лет я не видела не только такого количества женщин на улицах, но и такого разнообразия – всех возрастов, социальных слоёв; это было ослепительное зрелище, от многочисленных колонн до маленьких, но очень повторяющихся ячеек, объединявших три поколения: бабушек, матерей, дочерей.

Этот марш сделал разговор о сексуальном насилии всеобщим. На следующий день мы решили остановиться и превратить страну в день без женщин, и реакция тоже была примечательной.

Девушка из числа ополченцев, противостоящих картелям

Как объясняет Лаура Кастелланос, феминистское движение стало популярным; время терпения подошло к пределу после двадцати лет роста фемицидов, исчезновений женщин, сексуальных нападений и прежде всего слабой или равнодушной реакции государства.

Андрес Мануэль снова назвал женщин консерваторшами и вандалками, приписав протесты себе, как он обычно делает. Придётся повторять столько раз, сколько потребуется: последние двадцать лет не было ни одного правительства, которое взяло бы на себя ответственность за гуманитарный кризис, который мы переживаем. «Женщин убивают на глазах у

людей» – это больше, чем лозунг для выхода на марш; это ледящее душу резюме происходящего. За шестилетние сроки Фелипе Кальдерона, Пеньи Ньето и первый год правления Лопеса Обрадора пропали без вести пятнадцать тысяч женщин и девочек. С 2015 по 2020 год феминизма неуклонно росли, а случаи с участием военных и полицейских в изнасилованиях и феминизмах продолжают происходить. Это то, что объединяет нас, поэтому мы чувствуем себя вынужденными выходить на улицы.

Пандемия ковида остановила импульс того марша марта 2020 года, однако возникли другие формы организации: цифровые, небольшие бригады, которые вмешиваются в общественные пространства, как, например, когда на Национальный дворец была спроецирована надпись «Насильник не станет губернатором» в связи с выдвижением Феликса Сальгадо Македонио кандидатом в губернаторы Герреро.

Захват помещений Национальной комиссии по правам человека группой матерей пропавших дочерей, а с 2019 года – появление лавины хештега «Я тоже» для разоблачения в соцсетях мужчин-насильников в издательском, академическом, кинематографическом, рекламном и журналистском мире.

На том и другом фронте послание ясно: у нас есть друг, и мы знаем – мы знали это поколениями, – что для изменения этой патриархальной, жестокой и феминцидной системы нам нужно быть вместе и организованными.

Я часто думаю, что этот принцип «Если тронут одну, от-

вечаем все» заключает в себе тревожную правду. Это так, потому что все или почти все – девять из десяти, как говорят статистики, – пережили какое-то насилие.

Или сколь велик спектр того, чего мы не видим, что ещё не рассказано? Сколько историй поместится между историей той пожилой женщины, которая ходит согнутой по улицам с телом, сломанным мужем, и Фатимой, двенадцатилетней девочкой, которая не смогла получить свою награду за декламацию стихов?

Альма Делиа Мурильо

Введение

Журналистика стремится служить обществу. Одна из её главных задач – и останется таковой – способствовать пониманию реальности, чтобы знать, где мы находимся и куда решаем двигаться. Она делает это, исследуя полутона общества, но с очень чёткой позиции: защита прав.

Эта книга – вклад в обсуждение феминистского движения с позиции журналистики. Она стремится поместить в контекст истории сопротивления и борьбы, выходя за рамки политических идеологий и действующих правительств.

Хотя учёные-феминистки объясняют феминизм уже десятилетиями, крайне важно присоединить к этому журналисток. Они задокументировали насилие, которому мы подвергаемся только за то, что родились женщинами. Они в репортажах на местах освещали институциональные произволы и политические расчёты, которые отрицают права. Они выслушивали жертв фемицида и стали свидетелями трансформации форм протеста. Они фиксировали успехи и откаты феминизма с той же скоростью, с какой они происходят.

Поэтому эту книгу должны были написать журналистки. Каждая из шести глав представляет собой тщательное исследование, отражающее годы репортажей по нашим темам. В каждом тексте мы излагаем факты, контекстуализируем данные и рассказываем о жизнях других женщин, чтобы про-

лить свет на коренную проблему: государство-мачисту и его насилие.

Мы начинаем с объяснения того, в какой точке находимся, и документирования одного из самых нормализованных институциональных насилий: невидимости работы по уходу. Женщины поддерживают экономику, но никто не хочет этого признавать. Это доказала пандемия ковида, которая отбросила женщин как минимум на десятилетие назад. Они отложили учёбу, отказались от работы, их экономическое положение стало более уязвимым. Они вернулись в дома, но с тройной нагрузкой.

Чтобы осознать масштаб потерь, необходимо понять, как мы сюда попали. Только зная историю феминизма в Мексике – который добился права голоса всего шестьдесят семь лет назад, а свободного использования контрацептивов – пятьдесят лет назад, – мы поймём, что он не рождался, чтобы быть «оппозицией» какому-то политику, и что мы не «внедрённые агенты», как говорили некоторые, чтобы нападать на нас.

В 2018 году с приходом левых к власти ожидалось точные меры. Способствовало ли долгожданное завоевание паритета в сферах власти правам женщин? Является ли правительство Андреса Мануэля Лопеса Обрадора самым феминистским в истории? Для этого и существует журналистика – чтобы проверить.

Наличие паритетного кабинета не является синонимом

феминизма, если власть сосредоточена в руках одного мужчины. Равно как и если президент сохраняет патриархальный договор, защищая предполагаемого насильника ради электоральных расчётов и вопреки законам. Или отказывается признавать, что даже в общих проблемах, таких как неравенство или бедность, женщины находятся в более уязвимом положении.

Поэтому экономистки-феминистки уже десятилетиями продвигают половые бюджеты, чтобы сократить разрывы в неравенстве. Недостаточно разрабатывать социальные программы для одинакового числа мужчин и женщин. Мало пользы от того, что была утверждена Национальная система ухода, если три года спустя у неё нет ни песа на работу.

Если государственная политика не подкреплена бюджетом – это демагогия, и за последние три шестилетних срока мужчины у власти занимались именно демагогией. В 2020 году они сократили на семьдесят три процента бюджет на расследование преступлений, совершённых против женщин. Как объяснить такое решение в стране с десятью фемицидами в день? Очевидно, что это является институциональным насилием.

Безнаказанность тоже связана с бюджетом. Это знают семьи убитых девочек и женщин, вынужденные становиться экспертами, даже не успев справиться со своим горем. Это насилие скудной и равнодушной системы правосудия.

Фемицид – это крайнее проявление мачистского насилия,

и даже мёртвыми государство делает нас невидимыми. Потребовалось десять лет, чтобы тридцать один штат включил в свои уголовные кодексы семь обстоятельств фемцида. Несмотря на это, только четыре из десяти насильственных убийств женщин признаются фемцидами.

Почему же тогда больше ярости вызывают разрисованные стены, чем убитая женщина? Без снисходительности и дисквалификации журналистика исследует, почему женщины крушат символы или захватывают здания: это государство провоцирует народное насилие, а не наоборот. Это женщины противоречат канону хрупкости, женственности, используя тело как вызывающее оружие.

Те, кто прочитает эту книгу, получают возможность узнать себя в борьбе за права – на этом извилистом пути, который обязательно проходит через видимость ран. Они узнают, что феминизм – это движение с более чем вековой историей, созданное и питаемое женщинами всех спектров, которые признают себя жертвами патриархальной системы и в то же время – деятелями, способными её изменить.

Они узнают, что феминизм разорвал молчание женщин во всём мире. Что он добился успехов не благодаря власти имущим, а вопреки им. Именно поэтому сегодня есть женщины-президенты, депутатки, учёные, инженеры. Именно поэтому легальное прерывание беременности продвигается медленно, но твёрдо по стране.

Мы заставили услышать наш голос даже перед лицом глу-

хого государства – то капля за каплей, то на полном ходу. Правда в том, как показала история, что феминизм не остановить ничем и никому: ни пандемией, ни каким-либо ма-
чистом у власти.

Найели Рольдан

Январь 2022 года

Поддерживать жизнь: отступление, принесённое пандемией

Даниэла Реа

Обычная суббота осени 2021 года. Роса моет полы на лестнице жилого дома в центре Мехико. Сосед спускается со своим питомцем, Роса отступает в сторону, опирается на швабру, они равнодушно здороваются, и подошва его кроссовок оставляет след на только что вымытом полу. Роса вздыхает, поправляет наушники, достаёт из кармана брюк телефон, выбирает песню группы One Direction. Убирает его и проводит влажной тряпкой по следам.

В течение утра, пока Роса подметает и моет пять этажей, сто двадцать четыре ступеньки здания, сцена будет повторяться с некоторыми вариациями. Соседи будут спускаться и подниматься с покупками, с питомцами, с велосипедами или ящиками с инструментами. Роса будет отступать в сторону и возвращаться к своему делу.

Снова и снова – каждую субботу месяца.

Роса – семнадцатилетняя девушка, которая ещё четырнадцать месяцев назад училась на втором семестре подготовительной школы; она была первым человеком в своей семье,

кому удалось достичь этого уровня образования. Но пришла пандемия, и, как пять миллионов двести тысяч учащихся начальной и средней школы, Роса бросила занятия, чтобы заботиться о младших сёстрах, которые тоже остались без школы. Она даже не закончила учебный год 2019–2020, потому что у неё не было интернета дома, чтобы отвечать на оставленные задания и экзамены. Теперь, когда начался учебный год 2021–2022, в некоторых школах – с очными занятиями – Роса не записалась: перевешивает необходимость заботиться об одной из сестёр, которая всё ещё учится онлайн, острая потребность в деньгах, инерция повседневности, личная неуверенность, которую она чувствует, пытаясь наверстать упущенное.

Пандемия принесла отступление для Росы и сотен тысяч других женщин, которым пришлось отложить свою жизнь, чтобы обеспечить выживание – будь то забота о детях, братьях и сёстрах, матерях или отцах, будь то дополнительная работа, чтобы пополнить семейный доход, будь то умножение смен. Женщины – те, кто оказывается на месте, когда нужно реагировать: своим временем, телом, логистическими способностями. Когда наступает кризис, чрезвычайная ситуация, когда нужно решать вопросы повседневной жизни, – написали Гризельда Франко Пьедра, Эстефани Эхенбергер Савалета, Ана Хитли Техада и Лус Родео Сальдивар в статье «Работа по уходу, бедствия и пол», опубликованной в октябре 2021 года в Университетском журнале.

Женщины подставляют тело снаружи, когда нужно покрыть расходы, женщины подставляют тело внутри, когда нужно экономить или восполнять работу по уходу.

Роса – девушка, которой нравится хорошо выглядеть. У неё длинные волосы, окрашенные в фиолетовый и зелёный цвета; она собирает их в хвост, когда убирается, но перед выходом на улицу, возвращаясь домой, расчёсывает и оставляет распущенными до пояса. На ней безупречные белые джинсы, а её пастельно-зелёные кроссовки сочетаются с толстовкой того же цвета. Она стала бы первой женщиной, первым человеком в своей семье, кому удалось бы закончить подготовительную школу. Её мама, домашняя работница, окончила только третий класс начальной школы, а отец, строитель, – второй класс средней школы. Закончить подготовительную – это мечта. Она хочет сделать этот подарок своей маме, которая была её единственной опорой. Отец бросил их и появляется время от времени, чтобы шантажировать тем, что они его забыли, или предъявлять претензии, если узнаёт, что его мать встречается с каким-нибудь мужчиной. Роса хорошо училась в школе, хотела закончить её, а потом стать медсестрой или юристом.

Но с пандемией ей пришлось бросить учёбу и стать мамой для младших сестёр; потом пути назад уже не было, и когда после первых месяцев изоляции мы снова начали выходить из домов, Роса вышла искать работу. За уборку общих зон пятиэтажного здания – лестниц, стёкол дверей и окон, кры-

ши – Роса получает триста пятьдесят песо. Пятая часть уйдёт на дорогу туда и обратно и на какой-нибудь каприз, если голод одолеет её до возвращения домой в Лос-Рейес, Ла-Пас, за два с половиной часа пути. У Росы нет социального страхования, хотя она и работает. В Мексике из всех имеющих работу меньше половины обладают этим правом.

Женщины – те, кто заботится. И пандемия принесла с собой перегрузку работой по уходу именно на нас. Пока не существует исследований, опросов, данных, которые позволили бы нам узнать, насколько сильно это время изоляции и экономического спада повлияло на тело и жизнь женщин; тем меньше мы знаем об эффектах, которые сохранятся, даже когда мы снова выйдем на улицы, но есть некоторые предупреждения об этом. Согласно опросу, проведённому Секретариатом по делам женщин Мехико среди своих сотрудниц в июле 2020 года, объём работы по уходу для них увеличился на тридцать два процента. В 2019 году, до пандемии, мексиканские женщины посвящали шестьдесят семь процентов нашего недельного времени неоплачиваемой работе по дому по сравнению с двадцатью восемью процентами времени, которое посвящали мужчины. То есть женщины тратили более чем вдвое больше времени на уход, готовку, уборку, организацию домашней жизни, согласно Национальному опросу использования времени домохозяйствами 2019 года, проведённому ИНЕГИ.

Пандемия, изоляция означала внезапное увеличение этих

рабочих часов. В домах, где есть дети, женщины внезапно стали профессионалками, воспитательницами, поварами, учительницами. Профессиональная работа, домашний труд и школа детей происходили одновременно и в одном и том же пространстве: на кухне, в гостиной, за обеденным столом, на экране, на рабочем месте на улице. И не только для матерей, но и для старших сестёр, как Роса, которая стала «мамой и учительницей» для своих сестёр тринадцати и десяти лет.

И как Роса бросила школу, так Селена бросила работу, чтобы заботиться о дочери, которая осталась без школы. И каждая из нас так или иначе действовала, чтобы мир не рухнул снаружи и внутри наших домов. Но пандемия не породила кризис ухода – она ускорила тот кризис, о котором феминистки предупреждали десятилетия назад, когда говорили о противоречии между капиталистическим миром и воспроизводством жизни.

Откат на десятилетие

ЭКЛАК в докладе «Экономическая автономия женщин в устойчивом и равноправном восстановлении», опубликованном в феврале 2021 года и рассматривающем последствия пандемии с женской точки зрения, указала, что этот кризис привёл к откату более чем на десятилетие в достижениях по участию женщин в рабочей силе. В 2020 году, поясняется в исследовании, был зафиксирован массовый уход женщин из

рабочей силы: из-за необходимости удовлетворять потребности в уходе в своих домах они не возобновляли поиски работы – пятьдесят четыре процента всех женщин старше пятнадцати лет в регионе не имели оплачиваемой работы по сравнению с тридцатью одним процентом мужчин.

В Мексике до пандемии исключение из сферы труда имело женское лицо: из семи миллионов ста тысяч человек, не имевших работы и искавших её, семьдесят пять процентов, то есть пять миллионов четыреста тысяч, составляли женщины. На каждого мужчину, исключённого из трудовой сферы, приходилось три женщины в такой же ситуации.

К третьему кварталу 2020 года число исключённых из трудовой сферы выросло до восьми миллионов семисот тысяч человек, то есть на один миллион шестьсот тысяч больше, чем до пандемии. Из этого общего числа почти миллион новых безработных были женщинами. К первому кварталу 2021 года, то есть через год после начала карантина из-за пандемии, наблюдалось восстановление числа занятых по сравнению с концом 2020 года, а число исключённых из трудовой сферы составило пять миллионов семисот тысяч человек. При сравнении первого квартала 2020 года и первого квартала 2021 года триста тысяч женщин больше не вернулись к оплачиваемой работе, согласно расчётам, выполненным Центром исследований Эспиносы Иглесиас на основе статистики ИНЕГИ. Причины, которые называли женщины, исключённые из рынка труда, были связаны с полом: отсут-

ствие разрешения партнёра, беременность, уход за детьми или зависимыми людьми; в то время как у мужчин причинами были длительный рабочий день и низкая зарплата, нехватка знаний и навыков, а также возраст.

Этот первый годовой срез после пандемии, писал Роберто Велес Грахалес в анализе, опубликованном в журнале *Gatopardo* в феврале 2021 года, о влиянии пандемии на рынок труда, подтверждает нам, что женщины страдают от большей трудовой исключённости, и экономический кризис особенно сильно ударил по тем, кто находится в самом продуктивном возрасте.

Селена – ей двадцать девять лет, у неё две дочери пяти лет и полутора лет. Она и её муж, с которым она состоит в браке семь лет, живут в Керетаро, консервативном городе в центре страны. До пандемии у её мужа был свой бизнес по промышленному обслуживанию, а Селена работала самостоятельно с микропредприятием по украшению праздников. В январе 2020 года она родила вторую дочь, и когда она думала вернуться к подготовке мероприятий, началась изоляция. Они с мужем остались без дохода и решили, что Селена согласится на первую же работу, которая появится, а он останется дома заботиться о девочках и будет ждать возможности снова открыть свой бизнес.

В этой новой модели семьи – неолиберальной семье – учёные Патрисия Реа Анхелес, Вероника Монтес де Ока Савала и Карла Перес Гвадаррама отмечают, что «женщина являет-

ся главным или одним из главных экономических и ухаживающих кормильцев», и это означает, что именно они несут на себе бремя содержания семей, связанное с собственной заботой о себе и о других, а также с собственным ухудшением как стареющих женщин. И хотя мужчины постепенно включаются в работу по уходу, подталкиваемые требованием женщин о демократии внутри домохозяйств или собственной безработицей, это процесс постепенный, поэтапный и вынужденный новой глобальной экономической системой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.